

1 августа 1972 г.

Поздравляем Ю. А. Ахеджакову с присвоением

звания заслуженной артистки РСФСР

ГОРОД еще не зажег свои вечерние огни. Добрых два часа остается до той поры, когда глуховатый удар гонга выключит нас из собственных житейских забот и мы станем жить новыми заботами—героев макаенковского «Трибунала».

Еще добрых два часа... А я мысленно вижу: театральную площадь медленно пересекает женщина, неторопливо подходит к служебному входу. Это артистка Майкопского драмтеатра имени А. С. Пушкина Юлия Александровна Ахеджакова. Вот она приветливо здоровается с дежурной, привычным движением берет из ее рук знакомый ключ от гримуборной.

Эта неизменная многолетняя привычка — приходить задолго до начала спектакля, чтобы без суеты, торопливости пройтись внутренним состоянием своей героини, постепенно войти в ее мир, в ее существо.

Актриса еще не облачилась в широкую юбку и просторную полотняную блузу, расшитую белорусским орнаментом, не повязала с едва приметной задорной лихостью белую ко-

сынку. Но уже началось непостижимое для нас колдовство превращения. И когда откроется занавес и начнется спектакль, на сцене, как всегда, будет сидеть в своей избе Полина, жена деревенского пастуха Терешки, и нашивать очередную заплату на выдавшие виды мужнины портки.

Зритель верит каждому слову, каждому движению Полины. Они естественны. Но немногие в зале знают, каким кропотливым трудом достигнута эта естественность, что нынешняя Полина отличается от той, выходявшей в первых спектаклях. Верно, она была в этой же одежде, говорила этот же текст, но стоило приглядеться повнимательнее, и ее походка, манера поведения выдавали в Полине — Ахеджаковой городскую женщину. Актрисе нужно было «уйти» от себя, чтобы создать точное пластическое решение образа.

От спектакля к спектаклю, по крупницам были найдены и нужная походка, и жесты, и мимика. А с ними стал ярче, завершеннее и психологический рисунок характера. Но даже теперь, посмотрев два-три спектакля кряду, непременно заме-

тишь: появились новые характерные детали. Актриса продолжает шлифовать, оттачивать образ, «отсекать» лишнее, добиваясь лаконизма и, вместе с тем, насыщенности, выразительных средств.

Неуспокоенность, поиск — это актерский стиль, творческое

Жизнь без грима

кредо Юлии Александровны. Важно не только что, но и как она ищет, интеллектуальный и эмоциональный уровень ее поиска, где видны и гражданская позиция артистки, ее эрудиция, темперамент.

Могла ли сцена отказа Сабуровой от операции (спектакль «Единственный свидетель» по



пьесе А. и П. Тур, режиссер В. Авиликін) быть такой экспрессивной, захватывающей, если бы актриса заранее не выстроила каждый шаг, каждую мысль, движение души своей героини. Именно поэтому мы и пережили вместе с ней драму незаурядной лично-

сти. Это был истинный поединок Сабуровой против Сабуровой. Здесь в высоком напряжении столкнулись мысли и чувства женщины большого ума, силы воли, неиссякаемой энергии. Безусловно, на высоком накале этой сцены сказался предварительный поиск актрисы, найденный ее достойный прототип Сабуровой — внучки русского психиатра невропатолога Бехтерева. Талантливый хирург, человек интеллигентный, разносторонне одаренный.

Юлия Александровна может часами рассказывать интереснейший и, кажется, бесконечный «роман жизни» своей героини Анны Степановны Сабуровой. В спектакле нет сцен операций, и все-таки у старейших и опытных хирургов города постигала актриса хирургические азы, читала специальные статьи по нейрохирургии. Сабурова произносит на сцене всего несколько слов по-французски и по-немецки, и Юлию Александровну понадобилось несколько уроков с преподавателем иностранных языков.

На почве этой большой подготовительной работы выражены и верное самочувствие, и достоверность, и перевоплощение.

Поиск психологической детали для своих героинь всегда отличает творческий почерк Ю. А. Ахеджаковой. Один выразительный штрих к портрету — и перед нами раскрывается человеческая душа. Как у ее Калугиной (спектакль «Сослуживцы» по пьесе Э. Брагинско-

го и Э. Рязанова в постановке В. Авиликіна). Еще до появления на сцене тридцативосьмилетней «директрисы» мы уже настроены на то, что сейчас увидим придиру, «сухаря». Но вот она молча проходит в свой кабинет. Конечно, сразу бросаются в глаза и ее допотопный костюм, простые чулки, туго стянутые в узел волосы. И все же есть в ее лице такое, что заставляет забыть заранее готовое представление о ней. Пристальнее всматриваешься, ищешь ключик к разгадке этой женщины. И вдруг на вечеринке у Самохвалова всего на мгновение «увела» Калугину полузабытая мелодия танго, заставила снять уже привычную ежедневную маску. На один только миг очутилась она там, в своем прошлом, и ее грустная полуулыбка, к которой подмешалась давняя боль, рассказала нам больше, чем мы узнали об этой женщине потом...

Актриса часто играет почти без грима. Но невозможно спутать лицо Полины с лицом Сабуровой или Калугиной. И дело не во внешнем «обрамлении». Ее героини по-разному мыслят, даже в те минуты, когда молчат. Даже безмолвные, они живут, действуют. По-разному думают о них и зрители, пытаясь разгадать выстроенную актрисой партию образов.

М. ЯВОРОВСКАЯ

Майкоп